

«Группа семи/восьюми» – «Группа двадцати» – БРИКС: новая триада в глобальном управлении?

М. Ревизорский

Ревизорский Марек – Ph.D., доцент Института политических наук, Гданьский университет, Польша; ul. Arciszewskiego 22A, 76-200 Słupsk, Poland; E-mail: marcuser@o2.pl

В статье рассматривается эволюция систем, вовлеченных в экономическую глобализацию. Возникновение преемственных структур в глобальном управлении является ответом на напряженность, кризис и неопределенность, вызванные отсутствием порядка в международной системе.

В первых разделах статьи автор представляет концепцию «супертриады экономического управления (STEG)», которая была выработана в период с 1973 по 2008 г. и характеризуется переходом от традиционных триадических систем: «экономической триады» (США – ЕС – Япония) и «институциональной триады» (МВФ – Всемирный банк – ВТО) к сетевому взаимодействию, трансуправлению и растущей роли лидеров, саммиты которых дают возможность решить глобальные экономические, финансовые и политические вопросы.

В последующих разделах автор, опираясь на неолиберальную теорию международных отношений и сетевую теорию мировой политики, представленные в работах Кеничи Омае, Энн-Мари Слотер, Джона Киртона, Эндрю Купера и Рамеша Такура, характеризует триадические системы эпохи экономической глобализации и освещает их критику, объясняет концепцию «супертриады экономического управления» и дает описание ее структуры¹.

Ключевые слова: БРИКС, «Группа семи/восьюми», «Группа двадцати», глобальное управление, саммиты, триада

Введение

В использовании триадических систем нет ничего нового. Существует много доказательств того, что они, по сути, интегрированы в природу людей. Если посмотреть на них через призму истории философии, то можно отметить, что возникновение триадического подхода датируется рубежом IV–V вв., когда Святой Августин представил доктрину Троицы в своей работе “De Trinitate”. Отец Церкви обнаружил 22 примера триад, существующих в мире и человеке. В качестве наиболее важных он выделил разум, знание и любовь. Его размышления были продолжены в XII в. Фомой Аквинским, затем Монтестью, автором теории разделения властей, и Гегелем, который был поглощен третьей составляющей концепции – любовью. Основы философии Гегеля, которую впоследствии развивал Карл Маркс, были представлены в работе “Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse” (Энциклопедия философских наук, 1817 г.), состоящей из трех книг о логике, природе и духе. Работа Гегеля была разделе-

¹ Перевод выполнен м.н.с. Научно-исследовательского центра содействия международному развитию Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ Е.А. Сафонкиной. Материал поступил в редакцию в феврале 2015 г.

на на последовательные триады (рис. 1), переходящие от крупных к мелким, однако имеющие одинаковую структуру [Benson, 2003, p. 23–24].

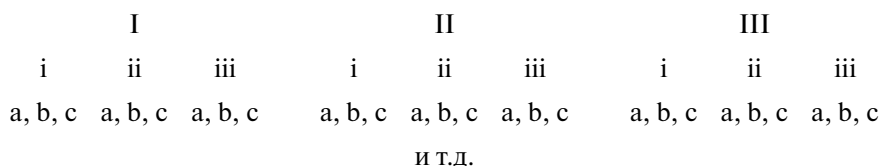

Рис. 1. Графическая иллюстрация триадической системы Гегеля

Источник: рисунок выполнен автором статьи.

Триада Гегеля проявляется в диалектическом процессе, включающем три стадии: тезис, антитезис и синтез. Гегель полагал, что закон диалектики является наиболее важным принципом логики. Закон для Гегеля представлял собой спонтанное и продолжительное столкновение конфликтующих идей. Каждый тезис (идея) всегда имеет противоположность (антитезис). В результате напряжение между кардинально различающимися взглядами снимается после формирования нового взгляда, который является сближением тезиса и антитезиса и называется синтезом. Но это не все. Получившийся в итоге синтез в действительности представляет собой отправную точку для дальнейших размышлений, другой «триады».

Вследствие этого обозначенная концепция триад Гегеля продолжает попытку связать противоположное, выражает стремление к прогрессу, который заключается в признании сложности и важности сотрудничества и постулирует существование третьего пути. Можно утверждать, что диалектика Гегеля применима не только к истории, но также к религии, искусству, социальным наукам, социальному поведению и даже к действиям государственных и негосударственных акторов по формированию нового международного порядка, именуемого глобальным управлением. Глобальное управление больше ассоциируется с контролем, нежели с управлением, и, таким образом, с широким кругом процессов, посредством которых координируется принятие решений и реализуется конкретная политика. Джеймс Розенау в часто цитируемом определении утверждает: «...считается, что глобальное управление включает системы правил на всех уровнях человеческой деятельности — начиная от семьи и заканчивая международной организацией, в которых преследование целей через осуществление контроля имеет транснациональные последствия» [Rosenau, 1995, p. 13]. Будучи в первую очередь заинтересованным в поиске ответа на вопрос, как контроль проявляется в транснациональной политике, Розенау отмечал: «Не существует ни единого организующего принципа, на котором основывается глобальное управление, ни внезапно появляющегося порядка, в рамках которого могут сблизиться сообщества и нации. Глобальное управление — это результат бесчисленного множества — буквально миллионов — механизмов контроля, обусловленных различными историями, целями, структурами и процессами... Что касается управления, мир слишком разъединен для общей логики, которая обуславливает меру глобальной связанности» [Ibid., p. 16]. Принимая во внимание изменчивость глобального управления и иллюзорность его иерархии, будет верным сказать, что этот процесс предполагает выработку индивидуальных и коллективных путей решения общих задач для разрешения конфликтов, которые возникают постоянно, для смягчения столкновения позиций и, следовательно, расширения сферы возможного сотрудничества между разнородными субъектами. Важную роль играют разнообразные нефор-

мальные и формальные институты. Их намерения могут стать стимулом для деятельности группы [UN, 1995, p. 2].

Возникновение преемственных структур глобального управления является ответом на напряженность, кризис и неопределенность, вызванные отсутствием порядка в международной системе. В этом смысле новая зарождающаяся триада «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС является синтезом, возникшим в результате напряженности между западным и незападным миром, усилившейся в конце «холодной войны». На ее возникновение повлиял ряд факторов, таких как:

- растущий спрос на международное сотрудничество в условиях повторяющихся глобальных финансовых и экономических кризисов;
- неэффективность существующих триадических систем, а именно «экономической триады» западных стран – США – ЕС – Япония и «институциональной триады» международных экономических организаций – МВФ – Всемирный банк – ВТО, в отношении угроз и вызовов, возникающих в период турбулентности, сопровождающей формирование международного порядка после окончания «холодной войны»;
- увеличение значимости и устремлений незападных государств, в большинстве своем не принимающих Вашингтонский консенсус и «западную» модель глобального управления.

Триада «Группа семи/восьми» – «Группа двадцати» – БРИКС может рассматриваться как результат долгосрочной эволюции, начавшейся с возникновения институциональных процессов в 1970-х годах. В качестве переломного момента мы можем рассматривать формирование «Группы четырех» в 1973 г. (так называемой «библиотечной группы»), к которой впоследствии присоединились Япония (1973 г.), Канада (1976 г.), Европейское сообщество (1977 г.) и Россия (1998 г.), что на время расширило формат «семерки» до «восьмерки»², возникновение «Группы двадцати» на уровне министров в 1999 г. и переход ее на уровень лидеров в 2008 г., наконец, создание объединения БРИКС в 2008 г.,

² Во время написания статьи Запад стал считать участие России в группе «приостановленным» семью другими странами-членами из-за «аннексии» Крымского полуострова и подозрений относительно вовлеченности Москвы в украинский конфликт. В своем совместном заявлении («Гаагской декларации»), опубликованном на полях Саммита по ядерной безопасности в Гааге 24 марта 2014 г., лидеры стран – членов «Группы семи» осудили политику России в отношении Украины и заявили: «Эта Группа объединилась на основе разделяемых убеждений и разделяемой ответственности. Действия России в последние недели идут с ними вразрез. В данных обстоятельствах мы не примем участие в запланированном саммите в Сочи. Мы приостановим наше участие в “Группе восьми” до тех пор, пока Россия не изменит курс, а обстановка не вернется к той, в которой “Группа восьми” сможет провести содержательное обсуждение. Мы вновь встретимся в формате “Группы семи», как планировалось, в июне 2014 г. в Брюсселе, чтобы обсудить широкий круг вопросов. Мы также рекомендовали нашим министрам иностранных дел не принимать участие в апрельской встрече в Москве. Помимо этого мы приняли решение, что министры энергетики “Группы семи” проведут встречу для обсуждения возможностей укрепления нашей коллективной энергетической безопасности». Если вчитаться в это заявление, становится очевидно, что не участие России было приостановлено, или же она была «изгнана» из неформальной группы, а наоборот, страны «семерки» приостановили свое участие, не забыв оставить за собой приоткрытой дверь для возможного возвращения в «Группу восьми». Несмотря на изначальное заявление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова, отметившего, что «G8 – это неформальный клуб, который не выписывает членских билетов. Никто никого оттуда не может выгнать по определению. Если наши западные партнеры считают, что этот формат изжил себя, то, значит, так тому и быть. По крайней мере, мы не цепляемся за этот формат», через год после принятия «Гаагской декларации» Герд Мюллер, министр ФРГ по экономическому сотрудничеству и развитию, отметил, что обсуждение вопроса о возвращении России в «Группу семи» не прекратилось, однако оно будет зависеть от выполнения ею Минских мирных соглашений, направленных на разрешение украинского кризиса. Подробнее см. [White House, 2014; Reuters, 2014; Sputnik, 2015].

к которому на третьем саммите в Санье в апреле 2011 г. присоединилась ЮАР. С одной стороны, формирование нового триадического полицентричного порядка в сфере глобального управления было результатом негативных факторов: напряжений, кризисов и неэффективности существующих структур. С другой стороны, в качестве стимула для изменений выступили положительные факторы, связанные с максимальным использованием относительных выгод сотрудничества. Иными словами, рассматриваемые государства полагали, что формирование в определенной степени институционализированных, но тем не менее гибких систем важно в условиях многоуровневой и разнонаправленной природы взаимодействий, возникающих на межгосударственном, транснациональном и неправительственном уровнях. Эти структуры принимают наиболее общую форму трансправительственных регулирующих сетей, которые благодаря своей гибкости и неформализованному характеру легко вписываются в глобальное управление.

Глобальные сети играют важную роль в создании, развитии, распространении и реализации различных стандартов и правил и, соответственно, в регулировании растущего числа различных вопросов. Например, саммит «Группы двадцати» в Санкт-Петербурге (2013 г.) демонстрирует, что повестка института может включать такие разные вопросы, как макроэкономическая политика, занятость, финансы, борьба с коррупцией, налоги, безопасность, конфликт в Сирии, энергетика, реформа международных финансовых институтов, охрана окружающей среды, содействие развитию, торговля, цены на сырьевые товары и продовольственная безопасность [Rewizorski, 2014, p. 143]. Более того, глобальные сети ускоряют обмен информацией. Они также создают правила для реализации обязательств, заявленных главами государств и правительств. Следует отметить, что большинство из них являются техническими по своей природе и принимают форму «мягкого права», а также различных деклараций и меморандумов [Reinecke, 1998]. Эти сети составляют практическое измерение современного глобального управления и включают три типа структур [Zieliński, 2008, p. 22]. Первый — это встречи (саммиты) глав государств и правительств. Общая черта таких трансправительственных сетей состоит в том, что они создаются группой стран с общими политическими, социальными и экономическими характеристиками [Piotrowski, 2012, p. 141]. Вторую сетевую структуру глобального управления представляют национальные органы, действующие на международном уровне в рамках существующих международных организаций [Piotrowski, 2012, p. 244–246]. Третий тип — это национальные агенты, сотрудничающие без четкой законодательной основы. В данной статье внимание будет уделено трансформации триадических систем, которые эволюционировали и приобрели популярность после Второй мировой войны и окончательно сформировались после окончания «холодной войны», и относительно новым структурам, их заменяющим, которые постепенно создавались с 1970-х годов. Последние, являясь трансправительственными сетями, функционируют в форме саммитов глав государств и правительств. Автор относит их к «супертриаде экономического управления (STEG)», поскольку их деятельность главным образом сконцентрирована на экономических и финансовых вопросах.

Триадические системы в эпоху экономической глобализации и их критика

Эволюция глобального экономического и финансового управления привела к тому, что две триадические системы, созданные после Второй мировой войны, не могли решать сложные вопросы за пределами национальных границ (рис. 2).

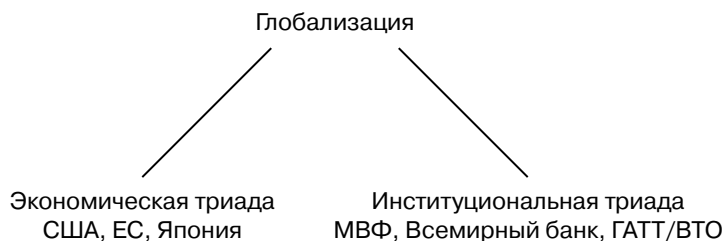

Рис. 2. Триадические системы в эпоху после Второй мировой войны

Источник: рисунок выполнен автором статьи.

Первая триадическая система XX в. — «экономическая триада» — демонстрирует концепцию триполярной глобализации в интересах США, Японии и ЕС, их транснациональных корпораций и в некоторой степени также господствующей глобализации, определяемой видением международного порядка как американской мировой империи [Puślecki, 2001, p. 53–54]. Ее происхождение связано с крахом Бреттон-Вудского порядка в 1971 г. и рассредоточением влияния между тремя регионами: Северной Америкой, Западной Европой и Восточной Азией. Возникшая в условиях конца 1970-х — 1980-е годы концепция экономической триады, охватывающая наиболее развитые в экономическом плане страны и регионы, включала неолиберальную американскую модель, японскую модель регулируемого рынка и интервенционистскую модель, преобладающую в Западной Европе.

Термин «триада», или «триада силы», был введен в середине 1980-х годов Кеничи Омае, аналитиком, который работал консультантом в компании McKinsey. В работе «Triad Power» [Ohmae, 1985] он отмечал, что географическое пространство США, ЕС и Японии характеризуется рядом сходств, а именно: низким макроэкономическим ростом, высокой степенью обобщенности технологической инфраструктуры, распространенностью крупных компаний со схожими процессами работы и накопленными знаниями, а также относительной гомогенизацией спроса на рынках, подвергающихся значительным протекционистским мерам. С этой точки зрения область триады стала центром развития инноваций в промышленности и огромным рынком для новых, технологически продвинутых продуктов [Rugman, Verbeke, 2004, p. 3–18]. К. Омае, однако, не предвидел расширения достаточно узкой экономической триады (США, ЕС, Япония) в большую, включающую страны НАФТА (США, Канада, Мексика), 28 стран Европейского союза и Азию, где роль лидера вместо Японии занял Китай. Из-за отсутствия понятия «широкой триады» модель К. Омае не охватывала усиление межрегиональных связей на этой территории. В качестве примера можно привести Юго-Восточную Азию, где после финансового кризиса 1997–1998 гг. произошло усиление регионального сотрудничества в сфере экономического развития. В 2006 г. вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли в Южной Азии. Это привело к созданию зоны свободной торговли в два этапа: к 2013 г. между Индией, Пакистаном и Шри-Ланкой, и между остальными странами к 2018 г. [Zajączkowski, 2012, p. 640]. Кроме того, соглашение способствовало подписанию множества других региональных торговых соглашений (РТС). РТС между Китаем и АСЕАН, вступившее в силу в январе 2010 г., обеспечило Китаю доступ к природным ресурсам в десяти странах региона, необходимому сырью для удовлетворения потребностей его быстрорастущего производственного сектора. В результате подписания соглашения был создан крупнейший

мировой экономической блок с населением приблизительно 1,9 млрд человек (1,3 млрд человек в Китае, 560 млн – в странах АСЕАН), с торговым оборотом, превышающим 200 млрд долл. США³. Что касается модели традиционной экономической триады как группы наиболее развитых в экономическом плане стран, включающей США, ЕС и Японию вместе со странами Юго-Восточной Азии (Гонконг, Южная Корея, Сингапур, Тайвань) [Gradziuk, 2006, p. 31–51], следует отметить ее относительно слабое влияние в современной мировой экономике по сравнению с развивающимися странами. В 2003 г. стоимость экспорта экономической триады составляла почти 56,2% мирового экспорта [Mucha-Leszko, 2005, p. 158], а в 2008 г. этот показатель снизился до 41,6% [Eurostat, 2009, p. 22].

Тенденция расширения экономической триады была отмечена К. Омае, который пересмотрел свои взгляды спустя почти 10 лет после публикации “Triad Power”. В 1990 г. он опубликовал книгу “The Borderless World” [Ohmae, 1990], в которой отметил, что проницаемость глобальных рынков имеет место независимо от экономических регионов. Растущее влияние развивающихся стран сопровождается увеличением числа показателей, характеризующих эквивалентные экономические системы. Другое направление разрабатывалось такими авторами, как, например, К.К. Прахалад, который в своей монографии “Fortune at The Bottom of the Pyramid: Eradicating Poverty Through Profits” [Prahalad, 2006] представил новый взгляд на экономическую триаду. Он отталкивался от тех же исходных положений, что и К. Омае. К.К. Прахалад сконцентрировался на деятельности транснациональных корпораций как реального воплощения «силы триады». Он акцентировал внимание на миллиардах беднейших жителей как толпе потребителей, нуждающихся в функциональных и дешевых, а не роскошных и дорогих продуктах, предлагаемых транснациональными корпорациями на Западе. В отличие от К. Омае К.К. Прахалад изучал вопросы продажи транснациональными корпорациями так называемых «специализированных товаров», т.е. инновационных продуктов, для производства которых требуется значительный капитал и применение ноу-хау, доступных в развитых странах, а также производства дешевых продуктов, для которых требуется адаптация западных компаний к запросам потребителей развивающихся стран. Он отмечал, что если запросы локального рынка не удовлетворяются западными компаниями, это может привести к переходу преимуществ к конкурентам в развивающихся экономиках. Подобная адаптация, однако, сложна из-за того, что некоторые развивающиеся экономики не отвечают западным странам взаимностью применительно к условиям для инвестиций. Примером является китайский рынок капитала. По большей части он остается недоступным для секторов, которые Пекин считает важными для экономического развития, таких как транспорт, банковская сфера и альтернативные источники энергии. Доля иностранного участия в этих секторах ограничивается 20%. Исключение стратегических или чувствительных секторов соответствует условиям присоединения Китая к ВТО. Несмотря на официальные заверения европейских и американских партнеров об улучшении данной ситуации, Пекин продолжает

³ Соглашение предполагало отмену к концу 2010 г. 90% тарифов в торговле Китая с Индонезией, Брунеем, Малайзией, Филиппинами, Сингапуром и Таиландом, к 2015 г. – с Лаосом, Вьетнамом, Камбоджой и Мьянмой. Также было согласовано сокращение среднего уровня тарифов на импортируемые товары из этих стран в Китай с 9,8 до 0,1%, и на товары, экспортируемые из Китая в эти страны, с 12 до 0,6%. Оставшиеся 10% тарифов, включая тарифы на текстильные изделия и электронные комплектующие, снижаются медленнее. Соглашение о беспешлиной торговле охватывает около 7 тыс. категорий товаров. Применительно к торговле услугами следует отметить, что компании из стран – членов АСЕАН, работающие в сфере туризма, имеют преимущества на китайском рынке, и наоборот. Подробнее см. [Rzeczpospolita, 2010; Wiadomości, 2010].

политику, в соответствии с которой Китай может купить шведскую Volvo, в то время как европейские компании не могут делать сходные инвестиции в Китае. Проблемой для западных компаний является неготовность правительства Китая присоединиться к Соглашению о государственных закупках (GPA), без чего доступ к китайскому рынку госзакупок очень сложен. По оценкам Торговой палаты ЕС, стоимость рынка госзакупок в Китае в 2011 г., с учетом всех заказов, сделанных государственными субъектами, включая местные правительства, провинции и частные компании, составляла 20% ВВП Китая. В условиях, когда китайские компании имеют открытый доступ к почти 85% рынка госзакупок в ЕС, позиция Китая приводит к значительному неравенству в данной сфере и является фактором, ухудшающим экономические взаимоотношения между Пекином и Брюсселем [Paszewski, 2013, p. 80].

Вторая триадическая система, появившаяся в эпоху глобализации, основывается на межправительственных экономических организациях. Она включает Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития, обычно относимый к Всемирному банку. Оба института были учреждены в 1944 г. на Бреттон-Вудской конференции. Более новым субъектом вышеупомянутой системы является Всемирная торговая организация (ВТО), учрежденная 1 января 1995 г. как преемник Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). ВТО была создана для наблюдения за исполнением отдельными странами обязательств Уругвайского раунда ГАТТ.

Можно описать данные организации, функционирующие в сфере экономики и финансов, как «институциональную триаду». Они были учреждены для того, чтобы усовершенствовать сотрудничество между странами-членами. С этой целью им был поручен ряд функций. Во-первых, они представляют «форумы» или «агоры», где государства – «полноправные жители» международного сообщества могут периодически встречаться и проводить обсуждения. Это снижает недоверие между ними [Axelrod, Keohane, 1985]. Во-вторых, МВФ, Всемирный банк и ВТО являются центрами (фокальными точками), где страны имеют больше шансов достичь соглашения, объяснить сложные и противоречивые вопросы, согласовать общие позиции, другими словами, хотя бы в некоторой степени оправдать ожидания различных акторов, вовлеченных в сотрудничество [Garrett, Weingast, 1993]. В-третьих, эти институты объединяют вопросы, актуальные для различных государств, в проблемные группы и достигают согласия, которого невозможно было бы достичь иным способом [Davis, 2004, p. 153–169]. Четвертая функция заключается в обеспечении информацией стран-членов, вовлеченных в сотрудничество, что приводит к снижению неопределенности в результатах и затрат, связанных с возможным присоединением к совместно разработанным соглашениям и декларациям [Keohane, 1984]. Наконец, функции вышеупомянутых международных институтов включают «общее наблюдение за политикой» посредством мониторинга исполнения странами, подписавшими соглашение, его требований и оглашение примеров неисполнения.

Высоко оценивая важность ВТО, МВФ и Всемирного банка для развития международного сотрудничества в области экономики и финансов, не следует забывать, что их деятельность в значительной степени не соответствует ожиданиям. Обвинения в адрес ВТО главным образом связаны с точкой зрения, согласно которой организация лишает развивающиеся страны возможностей использовать свою торговую политику как инструмент для развития и как таковая не обладает демократической легитимностью. В своей нашумевшей работе представитель критической школы Ха Джун Чхан заявил, что вопрос свободной торговли в терминах ВТО означает «отказ от шкалы

развития», т.е. лишение наиболее бедных членов ВТО возможности догнать западные страны [Chang, 2003]. Критикуя давление со стороны организации, направленное на преждевременное открытие рынков развивающимися странами, он показал, что это может привести к постоянной периферизации развивающихся экономик из-за невозможности конкурирования их бизнеса с крупными западными корпорациями. С точки зрения Х.Д. Чхана, периферизация стимулируется созданием индустриальных зон в бедных странах компаниями, такими как NIKE, чтобы избежать уплаты налогов в странах ведения бизнеса и, в случае необходимости, продемонстрировать готовность переместить производство туда, где оно дешевле.

Также подвергается критике отрицательный эффект оказания помощи МВФ и Всемирным банком развивающимся странам. В первую очередь имеются в виду меры, принятые МВФ и Всемирным банком в 1997 г. для того, чтобы сохранить валюты Малайзии, Индонезии, Гонконга и Южной Кореи от посягательств международных спекулянтов. Поиски ответных мер на Азиатский кризис выявили недостатки архитектуры глобального экономического и финансового управления. В частности, критике подвергались условия макроэкономической политики, которые должны исполняться странами, находящимися под воздействием кризиса, для получения помощи от МВФ. Фонд требовал повысить размер процентной ставки, снизить инфляцию под знаменем ценовой стабильности, снизить государственные расходы, а также приостановить или вообще отказаться от помощи компаниям и банкам, находящимся под угрозой банкротства. Применение этих мер вело к дефляции. Компании и банки массово банкротились под грузом ограничительной фискальной и монетарной политики. Реализованные меры усилили панику среди инвесторов вместо того, чтобы ограничить ее. Более того, даже наиболее надежные инвестиции стали проблематичными, особенно с момента, когда финансовая турбулентность вызвала резкое падение цен рыночных активов. Можно предположить, что Азиатский финансовый кризис был уроком для МВФ и Всемирного банка, продемонстрировавшим этим организациям необходимость принимать во внимание реальные условия, угрозы и риски, возникающие в интегрированных финансовых каналах. Течение и последствия кризиса показали, что МВФ больше не может направлять экспертов в отдельные страны в каждом конкретном случае, как это делалось раньше. Это также осознали развивающиеся страны, пострадавшие от финансовых и экономических проблем. В эпоху глобализированных рынков капитала возникла потребность в создании эффективных и гибких институтов глобального экономического управления, способных справиться с кризисами, одновременно происходящими во многих странах.

«Супертриада экономического управления» и ее структура

Экономические и институциональные триады сформировались в 1970-е годы. Процессы глобализации ускорились в условиях краха Бреттон-Вудской системы и неспособности главных финансовых институтов осуществить необходимые реформы. Финансовая нестабильность усилилась в 1973 г. в разгар нефтяного кризиса, вызванного решением Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) наложить эмбарго на поставки нефти в западные страны, которые поддержали Израиль в Войне Судного дня. Возникшее напряжение в глобальной экономике требовало плана действий, который бы выходил за рамки существующего сотрудничества. Недостаточность международного сотрудничества вызвала спрос на создание новых структур, выходящих за рамки традиционного межгосударственного и межинституционального сотрудничества, объединяющих харак-

теристики «концерта стран» и трансправительственной сети, которая представляла бы более продвинутую форму сотрудничества, в высокой степени интегрированную в формирующийся новый международный порядок, известный как глобальное управление.

Истоки первого компонента STEG – «Группы семи/восьми» – были заложены встречей министров финансов Франции, Германии, США и Великобритании, которые, осознавая необходимость регулирования экономической и фискальной политики, собрались 25 марта 1973 г. в библиотеке Белого дома, тем самым сформировав так называемую «библиотечную группу». В сентябре 1973 г. к «четверке» присоединилась Япония. Министры финансов пяти стран периодически встречались до середины 1980-х годов. В 1974 г. Президент Франции Валери Жискар д'Эстен пригласил лидеров США, Великобритании, Германии, Японии и Италии на неформальный саммит в Шато де Рамбуйе (16–17 ноября 1975 г.). Они решили обсудить вопросы развития системы коллективного управления, в которой ответственность будет разделена между Западной Европой, США и Японией [Вауне, 2005, р. 4]. В 1976 г. к шестерке по приглашению президента США Джеральда Форда присоединилась Канада (это произошло до второго саммита объединения, который состоялся в Сан-Хуане (Пуэрто-Рико)). С 1977 г. на встречах «Группы семи» регулярно присутствовали представители Европейского сообщества, затем саммиты стали более представительными [Найнал, 2007, р. 3]. С саммита 1975 г. в Рамбуйе, на котором началось обсуждение коллективного (глобального) управления, «семерка» значительно расширила масштаб своей деятельности. Деятельность объединения была посвящена определению глобального управления как процесса управления вопросами, представляющими общий интерес в форме несuverенного влияния за пределами национальных границ. «Группа семи» стала центральным элементом глобального управления. Джон Киртон метко описал форум как «глобальный эквивалент “европейскому концерту”, который способствовал поддержанию мира и процветания в период с 1818 по 1914 г.» [Kirton, 1995, р. 67–80].

«Группа семи», окончательно сформировавшаяся во второй половине 1970-х годов, с момента ее основания функционировала как клуб для многостороннего международного сотрудничества. Характерная черта клубной модели заключалась в том, что она представляла собой консультативный форум высокого уровня с единообразными темами для переговоров, в котором могли принимать участие несколько экономически развитых стран. Джон Киртон, обращаясь к концепции клубов, разработанной Джеймсом Бьюкененом [Buchanan, 1965], отметил, что «Группа семи» представляет собой «концерт» – совершенно особенный формат клуба... «коалицию приспособления» (coalition of convenience)... маленькую группу элиты, часто собирающуюся на изолированных площадках или курортах с возможностью личных встреч друг с другом, где каждый за деловым обедом или в рамках сессии сидел за столом плечом к плечу с коллегами, шептал что-то соседу и был вовлечен в личные и неформальные коллективные обсуждения» [Kirton, 2013, р. 33–34]. Как мы видим, главный недостаток «Группы семи» заключался в недостаточной прозрачности ее работы, посреднической деятельности и процесса принятия решений для общественности. Данный недостаток, на который обращали внимание партнеры, напрямую не вовлеченные в деятельность «семерки», был, однако, источником ее политической эффективности. На практике министры финансов и лидеры «великолепной семерки», защищенные недостаточной прозрачностью деятельности института, вступали в сложные договоренности друг с другом, которые во многих случаях было сложно разделить на составляющие. Небольшое число участников группы упрощало налаживание личных, неформальных контактов между лидерами.

Изначально «Группа семи» имела дело исключительно с вопросами монетарной политики. На рубеже 1970–1980-х годов объединение стало заниматься более широким кругом вопросов. Лидеры обсуждали политические и военные вопросы (терроризм, безопасность, ракетные установки в Европе, вооружение и ядерную энергетику, ситуацию в Афганистане, институциональное сотрудничество, будущее Центральной и Восточной Европы, реформирование ООН и МВФ), социальные (устойчивое развитие, защита прав человека, поддержка развивающихся стран в целях сокращения их долга), относящиеся к окружающей среде (изменение климата, выбросы парниковых газов) и экономические (международная торговля, кризис задолженности, экономическая помощь, координация макроэкономической политики). Основная сложность в организации саммитов заключалась в необходимости адаптировать повестку «семерки» к изменяющимся международным условиям. Достаточно упомянуть, что в 1975 г. в Рамбуйе большое внимание было уделено вопросам реформирования Испании после смерти генерала Франко, переговорам об ограничении стратегических вооружений между СССР и США и отношениям между западными странами и Китаем [Callaghan, 1987, p. 480], а в ходе встречи в Токио в мае 1986 г. лидеры «Группы семи» обсуждали подготовку к началу Уругвайского раунда торговых переговоров ГАТТ [Wayne, 2005, p. 25].

Влияние «Группы семи» в период с 1975 по 1997 г. основывалось на умелом сочетании стабилизационной программы, характеризующейся объединением определенных вопросов в единый блок, и гибкостью для быстрого изменения повестки. Однако недостатком «семерки» была нехватка репрезентативности, ставшая слишком очевидной в ходе усиления развивающихся стран в начале 1990-х годов. Изменение этой ситуации стало одним из ключевых вопросов реформирования «семерки». Присоединение России к «Группе семи» свидетельствовало о растущей значимости развивающихся стран в международных отношениях. Вхождение России в объединение было окончательно одобрено в 1998 г. на саммите в Бирмингеме. После этого была учреждена «Группа восьми», в которой Россия стала равноправным участником только в обсуждении политических вопросов, но была исключена из обсуждения экономических и финансовых вопросов. Представители России не принимали участие во встречах «семерки», предшествующих саммитам «восьмерки». Они также не могли проводить саммиты «Группы восьми». Подобная ситуация продолжалась до саммита в Кананаскисе, который состоялся в 2002 г. [Ostry, 2002]. В ходе саммита было принято решение о том, что Россия впервые в истории объединения проведет саммит «Группы восьми» в 2006 г. и будет выступать в качестве председателя группы. Так завершился этап реинтеграции России после распада СССР в систему глобального управления в формате «Группы восьми». Как отметил Джон Киртон, это стало результатом длительной дискуссии между Германией и Францией, поддерживающими требования России, и Японией, Великобританией и США, занявшими консервативную позицию [Kirton, 2002]. Однако вопрос включения России в «Группу восьми» вновь появился в повестке дня в 2014 г., когда ее стали воспринимать как «незваного гостя» в «Группе семи». Западные лидеры публично обвинили Москву в аннексии Крымского полуострова, объявили об использовании ограничительных мер (санкций) и призвали Россию к поиску мер для дипломатического разрешения конфликта в Восточной Украине. «Украинский кризис» стал ключевым вопросом саммита в замке Эльмау (7–8 июня 2015 г.). В своей декларации лидеры заявили: «Мы подтверждаем наше осуждение нелегальной аннексии Крымского полуострова Российской Федерацией и не признаем его. Мы подтверждаем нашу поддержку мер для поиска дипломатического разрешения конфликта в Восточной Украине,

в особенности в рамках Нормандского формата и Трехсторонней контактной группы. Мы приветствуем ключевую роль ОБСЕ в поиске мирного решения конфликта. Мы призываем все стороны к полной реализации Минских соглашений, включая Пакет мер по их реализации, подписанный 12 февраля 2015 г. в Минске, посредством Трехсторонней контактной группы и четырех рабочих групп... Мы отмечаем, что сохранение санкций напрямую зависит от полного выполнения Россией Минских соглашений и признания суверенности Украины. Они могут быть сняты, если Россия выполнит эти обязательства» [G7, 2015, р. 6]. Подобное поведение соответствует ценностям и принципам группы, которые подчеркивают важность свободы, мира и территориальной целостности, а также соблюдения международного права и прав человека. Нарушение этих принципов Россией ставит под вопрос работу «семерки» совместно с Россией в формате «Группы восьми», по этой причине правильнее говорить о «Группе семи/восьми», нежели о «Группе восьми».

Другой структурой, возникшей в качестве института глобального управления, стала «Группа двадцати». Ее создание было обусловлено финансовым кризисом в апреле 1997 г. в Таиланде, недостаточной эффективностью МВФ и Всемирного банка по устранению его последствий, а также необходимостью удовлетворения запросов развивающихся стран. Последний вопрос стал со временем одним из существенных различий между «Группой семи/восьми» и «Группой двадцати». С момента встречи в Рамбуйе (1975 г.) «Группа семи/восьми», лидирующую роль в которой играла шестерка стран, представляла собой «коалицию приспособления» (coalition of convenience). В случае с «Группой двадцати» ситуация была другой. По сравнению с «Группой семи/восьми» «двадцатка» более разнородна в плане экономики, политики и культуры. Джон Киртон отмечает, что по сравнению с «концертом» «Группы семи/восьми» «Группа двадцати» с большим числом членов, не обладающих значительным влиянием, включая недемократические страны, не является [«концертом». — *Примеч. авт.*] (...) И все же структура «двадцатки» достаточно компактная, постоянная, четкая и сознательно выстроенная для того, чтобы быть клубом с известными членами, в котором четко осознаются коллективные сферы ответственности и права. Кроме того, «...“двадцатка” является клубом, который не исключает своих членов, и они сами не отказываются от членства в ней» [Kirton, 2013, р. 33]. Подобное суждение кажется абсолютно правильным в контексте вышеупомянутого «украинского кризиса» и проблемы участия России в «Группе восьми».

Если говорить о «Группе двадцати», то с 1999 и до конца 2007 г. она функционировала только на министерском уровне на основании процедурных решений, разработанных «Группой семи/восьми». «Двадцатке» была назначена роль неформального форума для поиска консенсуса. В отличие от других институтов глобального управления, таких как МВФ или Всемирный банк, у «Группы двадцати» нет устава, постоянного представительства, секретариата и технического персонала. Возвышение «Группы двадцати» до роли ключевого института глобального управления произошло в 2008–2009 гг. на саммитах в Вашингтоне (2008), Лондоне (2009) и Питтсбурге (2009). Встреча «Группы двадцати» в Вашингтоне целиком была посвящена обсуждению рисков, связанных с распространением глобального финансового кризиса. Впервые на встрече присутствовали лидеры объединения, что способствовало принятию важных обязательств по реализации реформ и координации фискальной политики, а также распространению предупреждений о кризисе. Успех «Группы двадцати» был определен также участием развивающихся стран. В ожидании большой выгоды они поддерживали этот формат сотрудничества в ущерб МВФ, к которому было утрачено доверие

после Азиатского финансового кризиса. Азиатские страны очень хорошо помнили о той высокой цене, которую им пришлось заплатить за поддержку МВФ, выразившуюся в наложении на них тяжелых требований по реализации фискальной и монетарной политики. Будучи не в состоянии повысить вес своих голосов в организации и имея дело с традиционным доминированием США и европейских стран в Фонде, они решили поддержать «Группу двадцати» как новый форум для обсуждения финансовых и экономических вопросов.

Одновременно с «Группой двадцати» на уровне лидеров возникла структура, в которую вошли только развивающиеся страны, – БРИКС. Как и «Группа семи/восьми» и «Группа двадцати», объединение БРИКС было создано в условиях напряженности вследствие глобального кризиса и растущего давления на западные страны в отношении реформирования существующих структур глобального управления, таких как ООН и МВФ. Потенциал стран БРИКС подтверждается тем фактом, что в 2012 г. доля стран – членов объединения (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) составляла 42% мирового населения, 18% мирового производства и 15% мировой торговли, а их вклад в глобальный экономический рост превышал 50% [Cooper, Thakur, 2013, p. 11]. По некоторым прогнозам, в 2040 г. страны – члены БРИКС достигнут уровня стран – членов «Группы семи» (без России) по показателям производства и к 2025 г. произойдет изменение порядка крупнейших экономик мира [U.S. NIC, 2008, p. 7].

История объединения началась с саммита в Екатеринбурге в июне 2009 г., на котором присутствовали лидеры Бразилии, России, Индии и Китая. В 2011 г. к группе присоединилась ЮАР, таким образом, возникло объединение БРИКС. Координация сотрудничества между пятью развивающимися странами сначала оценивалась по-разному. В дополнение к точке зрения, которая признавала БРИКС как внешнее проявление нового мирового порядка, связанного с возросшим участием развивающихся стран в решении глобальных вопросов, эта группа также рассматривалась в качестве ответа незападных стран на экономическую нестабильность. Другая интерпретация этого феномена заключалась в том, что координация сотрудничества незападных стран в рамках БРИКС является угрозой главенству западных стран и может стать фактором, нарушающим хрупкий порядок на международной политической сцене. Осознавая частичную обоснованность всех упомянутых выше позиций, стоит отметить, что каждый саммит БРИКС, состоявшийся в период с 2009 по 2014 г., знаменовал значительный прогресс в сотрудничестве участников объединения.

На первом саммите в июне 2009 г. страны – члены БРИКС сконцентрировались на реформировании глобальной финансовой системы и обеспечении большего влияния на ее функционирование развивающихся стран. На втором саммите, который прошел в апреле 2010 г., лидеры БРИКС обратились к проблемам глобальной экономики, развития «Группы двадцати» и реформы финансовых институтов. Обсуждение также охватывало политические вопросы, особенно Иранскую ядерную программу [BRIC, 2010]. Третий саммит БРИКС, в котором принимала участие ЮАР, проходил на китайском курорте Санья в апреле 2011 г. Дискуссия снова была сконцентрирована на вопросах финансового сотрудничества и торговых потоков внутри объединения. Наиболее важные политические вопросы включали борьбу с международным терроризмом, поддержку устремлений Бразилии, Индии и ЮАР по получению членства в Совете безопасности ООН и конфликт в Ливии [BRICS, 2011]. На четвертом саммите, состоявшемся в Нью-Дели (Индия) 29 марта 2012 г., обсуждалось укрепление сотрудничества в рамках объединения посредством создания Банка развития БРИКС. Предполагалось, что банк будет финансировать проекты, направленные на развитие эконо-

мики и инфраструктуры в развивающихся странах. Другой его функцией была заявлена выдача займов в периоды финансовых кризисов. Кроме того, на встрече в Нью-Дели страны – члены БРИКС решили требовать проведения к концу 2012 г. реформы квот МВФ, которая уже была обозначена ранее в 2010 г. Они также призвали к изменению процедуры выбора персонала, выполняющего функции директоров МВФ и Всемирного банка, предложив назначение после оценки их опыта и заслуг. Политические вопросы, обсуждавшиеся на саммите, включали волнения в Сирии и Иранскую ядерную программу [BRICS, 2012]. На пятом саммите, прошедшем 27 марта 2013 г. в Дурбане, лидеры стран – членов БРИКС среди прочих обсудили вопросы сотрудничества с африканскими странами. В рамках Нового партнерства в интересах развития Африки (НЕПАД) страны БРИКС решили поддержать процесс индустриализации континента, особенно посредством прямых иностранных инвестиций, обмена знаниями, диверсификации импорта из Африки и реализации программ по развитию инфраструктуры до 2015 г. Также было принято решение о создании Банка развития БРИКС и валютного резерва стран БРИКС с уставным капиталом 100 млрд долл. США, средства которого могли быть использованы в случае значительных финансовых затруднений, с которыми могла столкнуться одна из стран объединения. Лидеры снова настаивали на реформировании международных финансовых институтов (особенно МВФ) и завершении Дохийского раунда торговых переговоров. Ключевые политические вопросы, затронутые на саммите, включали ухудшение гуманитарной ситуации и насилие в Сирии, а также Иранскую ядерную программу. На встрече в Дурбане страны – члены БРИКС достигли соглашения в сфере информационной безопасности, борьбы с наркотической угрозой, а также молодежных и образовательных обменов [BRICS, 2013]. На шестом саммите, состоявшемся 17 июля 2014 г. в Форталезе (Бразилия), лидеры стран БРИКС одобрили Соглашение о Новом банке развития, Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС, Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве между экспортно-кредитными агентствами стран БРИКС и соглашение о сотрудничестве между банками развития стран – членов БРИКС. На шестом саммите страны БРИКС подчеркнули важность обеспечения социальной включенности и устойчивого развития в ходе обсуждения по теме «Инклюзивный рост: устойчивые решения» [BRICS, 2014].

Следует отметить, что возвышение БРИКС и регулярность ежегодных саммитов вызывают неоднозначную реакцию. С одной стороны, кажется очевидной необходимость реформы международной финансовой системы с целью повышения ее стабильности. В этом смысле все более и более институционализирующийся БРИКС может сделать глобальное финансовое управление более эффективным, особенно в период кризиса. Однако, с другой стороны, БРИКС может рассматриваться, особенно западными странами, как механизм для изменения существующего глобального статус-кво. Регулярные встречи лидеров пяти развивающихся держав в действительности предоставляют возможность для выработки единых позиций, которые могут стать вызовом долгосрочному превосходству «глобального Севера» в принятии решений по различным региональным и глобальным вопросам. Кроме того, включение политических вопросов в повестку дня БРИКС может привести к сопротивлению мерам, реализуемым развитыми странами. Уже сейчас, на начальном этапе становления группы, было выражено несогласие с позицией западных стран в отношении развертывания ядерной программы Ирана. Рост напряжения в ближайшем будущем может быть связан с учреждением Нового банка развития БРИКС, который в случае его эффективной работы может стать вызовом для важных структур глобального управления, в том числе МВФ и Всемирного банка. Необходимо осознать, что данная инициатива является

многообещающей и выходит за рамки существующих форм влияния капитала стран — членов БРИКС на другие развивающиеся страны⁴.

Заключение

«Супертриада экономического управления», сформировавшаяся в 1973–2008 гг., характеризуется переходом от традиционных триадических систем, основанных на «экономической триаде» и «институциональной триаде», к сетевому взаимодействию, трансуправлению и повышению роли лидеров, саммиты которых дают возможность решить глобальные экономические, финансовые и политические вопросы. «Супертриада» представляет собой синтез, возникший в результате напряженности между государствами и международными организациями. Последние, что демонстрирует, например, МВФ, характеризуются значительной степенью автономности по отношению к государствам. Пример МВФ показывает, что международные организации оказывают значительное давление на государства, нередко выступая в качестве кредиторов последней инстанции. Отдельные структуры «супертриады» («Группа семи/восьми» — «Группа двадцати» — БРИКС) тесно связаны в части потоков информации, средств коммуникации, определения новых целей и их интерпретации, другими словами, создания новых условий, в которых принимаются решения. В отличие от «Группы семи/восьми» политическая конвергенция «Группы двадцати» может быть вызвана не только общей идентичностью, но и в большей степени осознанием общих вызовов и угроз глобализации. Стимул этой конвергенции не является бессознательным, это результат обеспокоенности политической элиты стран — членов группы, особенно лидеров, осознающих причинную взаимосвязь между глобальными вопросами и специфическими национальными, внутренними вопросами. Они используют «Группу двадцати» как механизм, который позволяет им получать значительные выгоды быстрее, чем в случае двусторонних или односторонних попыток реализовать свои национальные интересы. В случае с БРИКС ситуация иная, поскольку объединение используется западными странами как механизм давления на западные страны и структуры: МВФ, ВТО, Всемирный банк. Развивающиеся страны справедливо отмечают, что этим традиционным, сформировавшимся в XX в. институтам, в которых преобладают западные страны, свойственен недостаток демократии.

«Супертриада экономического управления», благодаря сложным взаимосвязям между участниками, оказывает влияние на глобальные экономические и политические отношения. Она является синтезом, происходящим не только из противоречий, характерных для международной среды, но и из-за конфликта между Западом и остальным миром. Здесь следует отметить определенную закономерность. Каждая из структур, формирующих STEG, имеет различную структуру членства, при котором растущее участие западных стран становится все более и более очевидным. Подобная эволюция подтверждает предположение, что устремления государств и других участников международных отношений отражают необходимое развитие правильной формулы со-

⁴ Это относится, в том числе, к Банку Юга — региональному банковскому институту, в некоторой степени равнозначному глобальной системе финансовой помощи/развития, основывающейся на функционировании тандема МВФ и Всемирного банка. Он был учрежден в сентябре 2009 г. для обеспечения финансовой помощи южноамериканским странам и получил уставной капитал в размере 20 млрд долл. США. Банк должен был удовлетворять финансовые потребности южноамериканских стран, приступивших к реализации программ социальных и экономических реформ. В качестве учредителей Банка Юга выступили Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай и Эквадор. Подробнее см. [MercoPress, 2009; Lanacion, 2009].

трудничества, выходящего за рамки международного или межгосударственного сотрудничества в существующем понимании. Отсюда возникают попытки разработать новую формулу глобального управления. Изначально оно было основано на сотрудничестве в узком кругу семи наиболее индустриально развитых стран мира, называемых «Группой семи». Со временем, в связи с возникновением новых политических и экономических вызовов, этот состав был расширен – сначала путем присоединения России и создания «Группы восьми», а затем развивающихся стран под руководством Китая, Индии и Бразилии в рамках так называемой «G8 + 5». Одновременно с 1999 г. был создан новый институт глобального управления. Он принял специфическую форму «наблюдательно-го совета», известного как «Группа двадцати». Затем институт превратился в форум для обмена опытом и точками зрения по ключевым глобальным вопросам между лидерами стран-участниц. На рубеже 2008–2009 гг. после саммитов в Вашингтоне, Лондоне и Питтсбурге «Группа двадцати» стала ключевым институтом по вопросам регулирования международной экономической и финансовой политики. Возникновение «двадцатки» и признание развивающихся стран как «системно важных» сопровождалось возникновением объединения БРИКС. Обращаясь к этому феномену, кто-то может задать вопрос, действительно ли БРИКС будет знаменовать переход к новому, незападному международному порядку?

Литература

- Axelrod R., Keohane R.O. (1985) Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions // *World Politics*. Vol. 38. No. 1.
- Bayne N. (2005) *Staying Together: The G8 Summit Confronts the 21st Century*. Aldershot: Ashgate.
- Benson P. (2003) Hegel and the Trinity // *Philosophy Now*. Vol. 42.
- BRIC (2010) BRIC 2010 Summit Joint Statement. April. Режим доступа: <http://www.cfr.org/brazil/bric-summit-joint-statement-april-2010/p21927> (дата обращения: 02.02.2014).
- BRICS (2011) BRICS Sanya Declaration. Sanya, Hainan, China, 14 April. BRICS Information Centre, University of Toronto. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/110414-leaders.html> (дата обращения: 02.02.2014).
- BRICS (2012) Delhi Declaration. Fourth BRICS Summit. New Delhi, 29 March. BRICS Information Centre, University of Toronto. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/120329-delhi-declaration.html> (дата обращения: 02.02.2014).
- BRICS (2013) BRICS and Africa: Partnership for Development, Integration and Industrialisation. eThekweni Declaration. Fifth BRICS Summit. Durban, 27 March. Режим доступа: <http://www.brics5.co.za/about-brics/summit-declaration/fifth-summit/> (accessed 02 February 2014).
- BRICS (2014) Fortaleza Declaration. The 6th BRICS Summit. Fortaleza, 15 July. Режим доступа: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-leaders.html> (дата обращения: 12.05.2015).
- Buchanan J.M. (1965) An Economic Theory of Clubs // *Economica*. Vol. 32. No. 125.
- Callaghan J. (1987) *Time and Change*. L.: Collins.
- Chang H.-J. (2003) Kicking Away the Ladder: The “Real” History of Free Trade. Foreign Policy in Focus Special Report. December.
- Cooper A.F., Thakur R. (2013) *The Group of Twenty (G20)*. L.; N. Y.: Routledge.
- Davis C.L. (2004) International Institutions and Issue Linkage: Building Support for Agricultural Trade Liberalization // *American Political Science Review*. Vol. 98. No. 1.
- Eurostat (2009) External and Intra-European Union Trade. Monthly Statistics. No 11. European Communities, Luxembourg.

- G7 (2015) Leaders' Declaration. G7 Summit. Schloss Elmau, 7–8 June. Режим доступа: [https://www.hse.ru/data/2015/06/08/1083592900/01_2015-06_08%20LEADERS%20STATEMENT_FINAL_CLEAN%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2015/06/08/1083592900/01_2015-06_08%20LEADERS%20STATEMENT_FINAL_CLEAN%20(1).pdf) (дата обращения: 18.06.2015).
- Garrett G., Weingast B. (1993) Ideas, Interests and Institutions: Constructing the European Community's Internal Market // Ideas and Foreign Policy / J. Goldstein, R.O. Keohane (eds). Ithaca NY: Cornell University Press.
- Gradziuk A. (2006) G8 w Systemie Global Governance – Ocena i Perspektywy [G8 in the System of Global Governance] // Polski Przegląd Dyplomatyczny [Polish Diplomacy Review]. No. 3 (31).
- Hajnal P.I. (2007) Summitry from G5 to L20: A Review of Reform Initiatives. CIGI Working Paper. No. 20.
- Keohane R.O. (1984) After Hegemony. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Kirton J. (1995) The Diplomacy of Concert: Canada, the G-7 and the Halifax Summit // Canadian Foreign Policy Journal. Vol. 3. No. 1.
- Kirton J. (2002) The Russian 2006 G8 Hosting Decision. Kananaskis Summit: Analytical Studies. Режим доступа: http://www.g8.utoronto.ca/evaluations/2002kananaskis/assess_russia.html (дата обращения: 12.08.2015).
- Kirton J. (2013) G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate.
- Lanacion (2009) Avanza el Proyecto del Banco del Sur. Режим доступа: <http://www.lanacion.com.ar/1370690-avanza-el-proyecto-del-banco-del-sur> (дата обращения: 02.04.2015).
- MercoPress (2009) South American Leaders Sign Agreement Creating South Bank. Режим доступа: <http://en.mercoPress.com/2009/09/27/south-american-leaders-sign-agreement-creating-south-bank> (дата обращения: 02.04.2015).
- Mucha-Leszko B. (2005) Współczesna Gospodarka Światowa. Główne Centra Gospodarcze. Lublin: UMCS.
- Ohmae K. (1985) Triad Power: The Coming Shape of Global Competition. N. Y.: The Free Press.
- Ohmae K. (1990) The Borderless World. Power and Strategy in the Interlinked Economy. Ballinger Pub Co.
- Ostry S. (2002) Globalization and the G8: Could Kananaskis Set a New Direction? O.D. Skeleton Memorial Lecture, Queens University Department of Foreign Affairs and International Trade. Режим доступа: www.utoronto.ca/cis/skeletonlecture_ostry2002.doc (дата обращения: 02.04.2015).
- Paszewski T. (2013) USA i UE Wobec Nowych Wyzwań Globalnych [USA and EU Toward New Global Challenges]. Warsaw: PAN.
- Piotrowski Sz. (2012) Koncepcja Global Governance a Kryzys Polityczny i Gospodarczy. Uwagi Krytyczne, Wyzwania Gospodarki Globalnej [The Concept of Global Governance and Political and Economic Crisis. Challenges for Global Economy] // Prace i Materiały Instytutu Handlu Zagranicznego Uniwersytetu Gdańskiego. No. 31.
- Piotrowski Sz. (2009) Konkurencyjność a Uwarunkowania Prawne Polityki Konkurencji Unii Europejskiej [Competitiveness and Judicial Implications of Competitiveness Policy in the European Union] // Kompendium wiedzy o Konkurencyjności [Compendium of Knowledge About Competitiveness] / M. Gorynia, E. Łaźniewska (eds). Warsaw: PWN.
- Prahalad C.K. (2006) Fortune at the The Bottom of the Pyramid: Eradicating Poverty Through Profits. NJ: Wharton School Publishing.
- Puślecki Z.W. (2001). Integracja i Globalizacja we Współczesnej Gospodarcie Światowej [Integration and Globalization in Contemporary World Economy] // Społeczne Problemy Globalizacji [Social Problems of Globalization] / Z. Blok (ed.). Poznań: Humaniora.
- Reinecke W. (1998) Global Public Policy: Governing without Government? Washington, DC: Brookings.
- Rosenau J.N. (1995) Governance in the Twenty-first Century. Global Governance. Vol. 1. No. 1.
- Rugman A.M., Verbeke A. (2004) A Perspective on Regional and Global Strategies of Multinational Enterprises // Journal of International Business Studies. Vol. 35.

Reuters (2014) Russia's Lavrov Says no Problem if G8 Does Not Meet. 24 March. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/2014/03/24/usukraine-crisis-lavrov-g-idUSBREA2N1D820140324> (дата обращения: 08.06.2015).

Rewizorski M. (2014) From Washington to St. Petersburg. Development of the G20 as a New Centre of Global Governance. Berlin: Logos.

Rzeczpospolita (2010) Chiny z ASEAN – Trzecia Strefa Wolnościowa na Świecie [China with ASEAN – Third Free Trade Area of the World]. Режим доступа: <http://www.ekonomia.pl/artykul/413764.html> (дата обращения: 10.05.2014).

Sputnik (2015) Moscow to Consider Return to G8 Format if Offer Received – Deputy Foreign Minister // Sputnik News Service. 4 June. Режим доступа: <http://sputniknews.com/politics/20150604/1022935930.html#ixzz3cU2yXjGR> (дата обращения: 08.06.2015).

UN (1995) Our Global Neighbourhood. Commission on Global Governance. N. Y.: Oxford University Press.

U.S. NIC (2008) Global Trends 2025: A Transformed World. Washington: US Government Printing Office.

Wiadomości (2010) Dziś Powstała Oficjalnie Strefa Wolnego Handlu Między Chinami a Państwami ASEAN [Today Free Trade Area Between China and ASEAN Was Officially Launched]. Режим доступа: http://www.wiadomosci24.pl/artykul/dzis_powstala_oficjalnie_strefa_wolnego_handlu_miedzy_chinami_a_panstwami_asean_121115.html (дата обращения: 10.09.2015).

White House (2014) The Hague Declaration. White House Office of the Press Secretary. 24 March. Режим доступа: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/24/hague-declaration> (дата обращения: 08.06.2015).

Zajączkowski J. (2012) Indie Studium Przypadku Geoekonomicznego Działania Mocarstwa Wschodzącego [India as a Case of Geoeconomic Acting of Emerging Power] // Geoekonomia [Geoeconomics] / E. Halizak (ed.). Warsaw: Scholar.

Zieliński M (2008) O Pojęciu Międzynarodowego Prawa Administracyjnego [On Defining of the International Administrative Law] // Państwo i Prawo. No. 9.

G7/8 – G20 – BRICS: A New Triad in Global Governance?

M. Rewizorski

Marek Rewizorski – Ph.D., Assistant Professor at the Institute of Political Science, Faculty of Social Sciences, University of Gdańsk, Poland; ul. Arciszewskiego 22a, 76-200 Słupsk, Poland; E-mail: marcuser@o2.pl

Abstract

This article focuses on the evolution of systems dealing with economic globalization. The emergence of successive structures of global governance is response to tension, crisis and uncertainty generated by anarchy of international environment. The author presents the concept of the super triad of economic governance (STEG), developed between 1973 and 2008. It is characterized by a departure from the traditional triadic systems of economic triad (United States – European Union – Japan) and institutional triad (International Monetary Fund – World Bank – World Trade Organization) toward networking, trans-governance and the increasing role of leaders whose summits are opportunities to resolve global issues in economics and finance, as well as politics. In consecutive sections the article, based on the neoliberal theory of international relations and the network theory of world politics developed by Kenichi Ohmae, Anne-Marie Slaughter, John Kirton, Andrew F. Cooper and Ramesh Thakur, discusses and critiques the triadic systems in an era of economic globalization, and then explains the STEG concept and its structure. The conclusion presents the main findings.

Key words: BRICS, G7/8, G20, global governance, summits, economic triad, institutional triad, network theory, transgovernance

References

- Axelrod R., Keohane R.O. (1985) Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. *World Politics*, vol. 38, no 1.
- Bayne N. (2005) *Staying Together: The G8 Summit Confronts the 21st Century*. Aldershot: Ashgate.
- Benson P. (2003) Hegel and the Trinity. *Philosophy Now*, vol. 42.
- BRIC (2010) *BRIC 2010 Summit Joint Statement*. April. Available at: <http://www.cfr.org/brazil/bric-summit-joint-statement-april-2010/p21927> (accessed 02 February 2014).
- BRICS (2011) *BRICS Sanya Declaration*. Sanya, Hainan, China, 14 April. BRICS Information Centre, University of Toronto. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/110414-leaders.html> (accessed 02 February 2014).
- BRICS (2012) *Delhi Declaration. Fourth BRICS Summit*. New Delhi, 29 March. BRICS Information Centre, University of Toronto. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/120329-delhi-declaration.html> (accessed 02 February 2014).
- BRICS (2013) *BRICS and Africa: Partnership for Development, Integration and Industrialisation. eThekweni Declaration*. Fifth BRICS Summit. Durban, 27 March. Available at: <http://www.brics5.co.za/about-brics/summit-declaration/fifth-summit/> (accessed 02 February 2014).
- BRICS (2014) *Fortaleza Declaration. The 6th BRICS Summit*. Fortaleza, 15 July. Available at: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/140715-leaders.html> (accessed 12 May 2015).
- Buchanan J. M. (1965) An Economic Theory of Clubs. *Economica*, vol. 32, no 125.
- Callaghan J. (1987) *Time and Change*. London: Collins.
- Chang H.-J. (2003) Kicking Away the Ladder: The “Real” History of Free Trade. *Foreign Policy in Focus Special Report*. December.
- Cooper A.F., Thakur R. (2013) *The Group of Twenty (G20)*. London – New York: Routledge.

- Davis C.L. (2004) International Institutions and Issue Linkage: Building Support for Agricultural Trade Liberalization. *American Political Science Review*, vol. 98, no 1.
- Eurostat (2009) *External and Intra-European Union Trade. Monthly Statistics*, no 11. European Communities, Luxembourg.
- G7 (2015) *Leaders' Declaration. G7 Summit*. Schloss Elmau, 7–8 June. Available at: [https://www.hse.ru/data/2015/06/08/1083592900/01_2015-06_08%20LEADERS%20STATEMENT_FINAL_CLEAN%20\(1\).pdf](https://www.hse.ru/data/2015/06/08/1083592900/01_2015-06_08%20LEADERS%20STATEMENT_FINAL_CLEAN%20(1).pdf) (accessed 18 June 2015).
- Garrett G., Weingast B. (1993) Ideas, Interests and Institutions: Constructing the European Community's Internal Market. *Ideas and Foreign Policy* (eds J. Goldstein, R.O. Keohane). Ithaca NY: Cornell University Press.
- Gradziuk A. (2006) G8 w Systemie Global Governance – Ocena i Perspektywy [G8 in the System of Global Governance]. *Polski Przegląd Dyplomatyczny [Polish Diplomacy Review]*, no 3 (31).
- Hajnal P.I. (2007) Summitry from G5 to L20: A Review of Reform Initiatives. *CIGI Working Paper*, no 20.
- Keohane R.O. (1984) *After Hegemony*. Princeton NJ: Princeton University Press.
- Kirton J. (1995) The Diplomacy of Concert: Canada, the G-7 and the Halifax Summit. *Canadian Foreign Policy Journal*, vol. 3, no 1.
- Kirton J. (2002) *The Russian 2006 G8 Hosting Decision. Kananaskis Summit: Analytical Studies*. Available at: http://www.g8.utoronto.ca/evaluations/2002kananaskis/assess_russia.html (accessed 12 August 2014).
- Kirton J. (2013) *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Lanacion (2009) *Avanza el Proyecto del Banco del Sur*. Available at: <http://www.lanacion.com.ar/1370690-avanza-el-proyecto-del-banco-del-sur> (accessed 2 April 2015).
- Mercopress (2009) *South American Leaders Sign Agreement Creating South Bank*. Available at: <http://en.mercopress.com/2009/09/27/south-american-leaders-sign-agreement-creating-south-bank> (accessed 2 April 2015).
- Mucha-Leszko B. (2005) *Współczesna Gospodarka Światowa. Główne Centra Gospodarcze*. Lublin: UMCS.
- Ohmae K. (1985) *Triad Power: The Coming Shape of Global Competition*. New York: The Free Press.
- Ohmae K. (1990) *The Borderless World. Power and Strategy in the Interlinked Economy*. Ballinger Pub Co.
- Ostry S. (2002) *Globalization and the G8: Could Kananaskis Set a New Direction?* O.D. Skeleton Memorial Lecture, Queens University Department of Foreign Affairs and International Trade. Available at: www.utoronto.ca/cis/skeletonlecture_ostry2002.doc (accessed 2 April 2015).
- Paszewski T. (2013) *USA i UE Wobec Nowych Wyzwań Globalnych [USA and EU Toward New Global Challenges]*. Warsaw: PAN.
- Piotrowski Sz. (2012) *Koncepcja Global Governance a Kryzys Polityczny i Gospodarczy. Uwagi Krytyczne, Wyzwania Gospodarki Globalnej [The Concept of Global Governance and Political and Economic Crisis. Challenges for Global Economy]*. *Prace i Materiały Instytutu Handlu Zagranicznego Uniwersytetu Gdańskiego*, no 31.
- Piotrowski Sz. (2009) *Konkurencyjność a Uwarunkowania Prawne Polityki Konkurencji Unii Europejskiej [Competitiveness and Judicial Implications of Competitiveness Policy in the European Union]*. *Kompendium wiedzy o Konkurencyjności [Compendium of Knowledge About Competitiveness]* (eds M. Gorynia, E. Łązniewska). Warsaw: PWN.
- Prahalad C.K. (2006) *Fortune at the Bottom of the Pyramid: Eradicating Poverty Through Profits*. NJ: Wharton School Publishing.
- Puślecki Z.W. (2001). *Integracja i Globalizacja we Współczesnej Gospodarce Światowej [Integration and Globalization in Contemporary World Economy]*. *Społeczne Problemy Globalizacji [Social Problems of Globalization]* (ed. Z. Blok). Poznań: Humaniora.
- Reinecke W. (1998) *Global Public Policy: Governing without Government?* Washington, DC: Brookings.
- Rosenau J.N. (1995) *Governance in the Twenty-first Century. Global Governance*, vol. 1, no 1.

- Rugman A. M., Verbeke A. (2004) A Perspective on Regional and Global Strategies of Multinational Enterprises. *Journal of International Business Studies*, vol. 35.
- Reuters (2014) Russia's Lavrov Says no Problem if G8 Does Not Meet. 24 March. Available at: <http://www.reuters.com/article/2014/03/24/usukraine-crisis-lavrov-g-idUSBREA2N1D820140324> (accessed 8 June 2015).
- Rewizorski M. (2014) *From Washington to St. Petersburg. Development of the G20 as a New Centre of Global Governance*. Berlin: Logos.
- Rzeczpospolita (2010) *Chiny z ASEAN – Trzecia Strefa Wolnoctowa na Świecie* [China wih ASEAN – Third Free Trade Area of the World]. Available at: <http://www.ekonomia.rp.pl/arttykul/413764.html> (accessed 10 March 2014).
- Sputnik (2015) Moscow to Consider Return to G8 Format if Offer Received – Deputy Foreign Minister. *Sputnik News Service*. 4 June. Available at: <http://sputniknews.com/politics/20150604/1022935930.html#ixzz3cU2yXjGR> (accessed 08 June 2015).
- UN (1995) *Our Global Neighbourhood*. Commission on Global Governance. New York: Oxford University Press.
- U.S. NIC (2008) *Global Trends 2025: A Transformed World*. Washington: US Government Printing Office.
- Wiadomości (2010) *Dziś Powstała Oficjalnie Strefa Wolnego Handlu Między Chinami a Państwami ASEAN* [Today Free Trade Area Between China and ASEAN Was Officially Launched]. Available at: http://www.wiadomosci24.pl/arttykul/dzis_powstala_oficjalnie_strefa_wolnego_handlu_miedzy_chinami_a_panstwami_asean_121115.html (accessed 10 September 2015).
- White House (2014) *The Hague Declaration*. *White House Office of the Press Secretary*. 24 March. Available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/24/hague-declaration> (accessed 08 June 2015).
- Zajączkowski J. (2012) Indie Studium Przypadku Geoekonomicznego Działania Mocarstwa Wschodzącego [India as a Case of Geoeconomic Acting of Emerging Power]. *Geoekonomia* [Geoeconomics] (ed. E. Halizak). Warsaw: Scholar.
- Zieliński M (2008) O Pojęciu Międzynarodowego Prawa Administracyjnego [On Defining of the International Administrative Law]. *Państwo i Prawo*, no 9.